

Н. Лесков Маланья - голова баранья (Сказка)

В одном глухом и отдаленном от городов месте была большая гора, поросшая дремучим лесом. У подошвы горы текла река, и тут стояло селение, где жили зажиточные рыболовы и хлебопашцы. От этого селенья шла через лес дорожка в другую деревню, а на этой дорожке в стороне на полянке стояла избушка, в которой жила бедная женщина по имени Маланья, а по прозвищу "Голова баранья". Так прозвали ее потому, что считали ее глупою, а глупою ее почитали за то, что она о других больше, чем о себе, думала. Если, бывало, кто-нибудь попросит о таком, что нельзя сделать без того чтобы лишить себя каких-нибудь выгод, то такому человеку говорили:

- Оставь меня в покое; мне это не выгодно - вон там на пригорке живет Маланья-голова баранья: она не разбирает, чтоб ей выгодно и чтоб невыгодно,- ее и попроси,- она, небось, сделает.

И человек шел на пригорок и просил у Маланьи, и если она могла ему сделать, о чем он просил,- то она делала, а если не могла, то приветит, да приласкает и добрым словом утешит,- скажет:

- Потерпи,- Христос терпел и нам велел.

У Маланьи избушка была крошечная, так что только можно было повернуться около печки, а жили здесь с нею сухорукий мальчик Ерашка, да безногая девочка Живулечка сидела на хромом стуличке.

Оба они были не родня Маланье-голове бараньей, а чужие, - родных их разбойники в лесу закололи, а их бросили; поселяне их нашли и стали судить - кому бы их взять? Никому не хотелось брать безрукого да безногую,- никогда от них никакой пользы не дождешься, а Маланья услышала и говорит:

- Это вы правду, добрые мужички, говорите: без рук, без ног ничего не обработаешь, а пить-есть надобно: давайте мне Ерашку с Живулечкой. Случается, что мне одной есть нечего - тогда нам втроем веселей терпеть будет.

Мужички захохотали.

- Беззаботная,- говорят,- Маланья,- прямая ты голова баранья,- и отдали ей и Ерашку, и девочку Живулечку.

А Маланья их привела и оставила у себя жить.

Живут часом с квасом, а порою с водою. Маланья ночь не спит: то богатым бабам пряжу прядет, то мужикам вязенки из шерсти вяжет, и мучицы, и соль заработает, и хворосту по лесу наберет - печку затопит и хлеба спечет, и сама поест, и Ерашку с Живулечкой покормит.

Сошлись перед вечером у колодца домовитые бабы и спрашивают Маланью:

- Как ты, Маланья-голова баранья, с ребятишками прокуратничаешь¹?

- А все хорошо, слава Богу,- отвечает Маланья.

- Чем же хорошо? ведь они у тебя несчастные!

- А тем, бабоньки, и хорошо, что они несчастные, - что на их долю немного нужно. Если бы они были посчастливей да позадачливей, - мне бы не послужить ими Господу Богу, а как они плохие да бездомные, что я им ни доспею - все это для них лучше того, как если бы я их не приняла да об них не подумала.

Покивали бабы головами и говорят:

- А ты еще вперед-то подумала ли: что с ними будет?

---

¹ Прокуратить - проказничать, отлынивать от работы

- Нет,- говорит Маланья: - я об этом не думала.

- Да как же так можно? Надо всегда о переду думать!

А Маланья отвечает:

- Что пользы думать о том, чего знать невозможно, даст Бог день - даст и пищу на день, а ночью нам всем есть покой на печечке.

- И то правда,- сказали бабы,- они - плохие,- может быть, и умрут скоро на твое счастье! А Маланья руками замотала.

- Что вы! что вы! - говорит,- зачем смерть звать: я ее к себе на порог не хочу - пусть она за дверьми присохнет.

Домовитые бабы распотешились и рассмеялись:

- Ну, Маланья,- говорят,- голова баранья,- да какая же ты удалая да смешная: саму смерть у порога засушить хочет.

Пошла Маланья к Ерашке с Живулечкой - понесла им водицы напиться дать и ее согреть в горшке, да головенки вымыть у припечка, а бабы стоят у колодца,- вслед ей смотрят и пересмеиваются. А к ним из лесу выходит старый старичок, на две клюки опирается.

- Бабоньки,- говорит,- кто у вас тут есть на селе жив человек, что пускает к себе неимущего путника?

А бабы ему отвечают:

- А ты чей человек и как тебя звать по отчеству?

Старик отвечает:

- Странник я света божьего, и имя мне Живая Душа на костыльках; приустал в пути да уснуть хочу.

- Мы не знаем тебя,- отвечали бабы,- и пустить к себе без мужиков не смеем, а мужики у нас строгие да грозные - придут, заругают нас.

- Что же, вы, видно, своих мужиков больше Бога боитесь. Бог-то, ведь, велел принять и покормить неимущего.

Бабы отвечают:

- И то правда твоя, странничек: Божье слово помним, а человеческого боимся.

Живая Душа покачала головой и говорит:

- А ведь это, бабоньки, по худу быть - так бы ведь вовсе не надобно. Пойду к самим мужикам: у них попрошусь.

Пошел к мужикам, и мужики его не пустили.

- Кто тебя знает,- сказали,- может быть, ты слабым прикинулся и сам разузнать хочешь, где у нас дорогое добро лежит, да ворам открыть, а может быть, у тебя на теле прыщи да вереды, а у нас избы чистые и полы стланные - иди-ка по тропиночке в гору, там есть бедная избушка - в ней живет Маланья-голова баранья, она всех пускает и тебя пустит.

- Спасибо вам, добрые хозяева, - отвечал старичок Живая Душа и пошел к Маланье.

А Маланья увидела его из окна и послала безрукого Ерашку, чтобы звать его ужинать.

Ерашка добежал к старику и кричит:

- Иди-ко-сь, дедко: тетушка Маланья наварила горшок снытки, сольюй посолила, зовет тебя ужинать.

Старик Живая Душа погладил Ерашку по голове.

- И то,- говорит:- к вам иду. Другие-то не пускают.

И только влез в избу,- тесно стало и сесть не чем, а Маланья говорит:

- Садись, дедушка, со ребятками ешь, а я постою Сел дедко и поужинал, и заговорил по-учтивому и по-ласковому.

- Спасибо,- говорит,- тебе, что не спросила, откуда я и как меня звать по имени, а посадила хлеба есть. Я теперь пойду в лес - у тебя тесно - всем нам лечь негде.

- Что ты! что ты! Живая Душа Божия! В лесу медведи и волки ходят - разве я тебя ночью туда выпущу! Всем место будет. Вот Ерашка на печку, а Живулечка за печку, а ты тут протянись, где простор опростается, а мне мое место найдется.

- Ну, будь по-твоему, - сказал старик, а сам думает "Где же это ей-то самой место будет?"

Лег, накрылся своей ветошью, да и уснул с одного вздоха от усталости, а после третьих петухов проснулся - и видит Маланья стоит на ногах и прядет кудель, которая у нее на колочек под потолком приткнута.

Посмотрел на нее старик одним глазком и говорит:

- Да ведь это ты, тетка, должно быть, и не ложились.

А Маланья отвечает:

- Да мне, Живая Душа, и не хотелось.

Старик покачал головой и говорит:

- Ну-ну-ну! Водил, водил меня Господь долго по свету; думал я, что позабыл он меня и покинул, а он привел меня в отрадное место и сподобил узреть любовь чистую. Скажи теперь мне за то в одно слово, что у тебя есть в желании - и тебе то у Бога и выпрошу.

А Маланья говорит-

- Что мне недостает? я и так всегда радостна, а желаю только, чтобы смерть моего порога не переступала, а если придет, так чтобы за дверь присохла.

Старик отвечает:

- Что ж, - так и будет.

Ушел старик, а смерть вот же тут и жалуется; наряжена богатой казачкой в парчовом шугае с золотой пикою, юбка штофная, на боку стальная коса на золотой цепочке, чеканной на манер мертвых костей человеческих, вся рожа накрашена, черные зубы во рту белым платочком заслоняет и в избу просится.

- Покажи,- говорит,- мне детушек-голубятушек, я им принесла по медовому грездочку и по точеному яблочку.

А Маланья как взглянула на нее, так и признала ее, что это смерть,- вскричала ей:

- Хорошо им со мной и без яблочек, а тебя бы лучше не было, и присохни ты на одном месте.

Та и присохла и не может оторвать ног от того места, где пристала, а Маланья ее сухим хворостом заслонила, чтобы не видеть ее было.

И славно бы дело сделалось, да пошли от селения ужасные стоны и слезы: сильный слабого теснит и бьет без милости, и нет на злодея в жестоком сердце его никакой угрозы, и как были люди жестоки, то стали еще жесточе того, и приходят к Маланье всякий день столько несчастных, сколько она во всю свою жизнь не видала, и она уже не может помогать им, и слышит, как они плачут и смерть кличут: "Смертюшка-матушка, где ты завялась! зачем мир покинула! приди, укрой нас от злодеев наших немилостивых - без тебя они зазнались без памяти!"

Тут Маланья ума хватилась.

- Это я,- говорит,- дура, все лихо наделала, захотела поправлять дела Божии - чему быть, а чему не быть сотворенному. И завяла смерть, а заслонена у меня кучкой хвороста.

- Ах, спусти ее, матушка, умилосердись! Ведь вот уже сто лет у нас ни одних похорон не было, и обессердечили люди жестокие, а мы состарелись, измаялись. Спусти ее и их убрать от больших грехов, и нас - от страдания.

И пошла Маланья, развалила хворост, а смерть-то так уж не румяною казачкой глядит, а как паутиночка, и коса у ней вся заржавела.

- Иди, куда тебя Бог послал! - сказала Маланья смерти: и та колыхнулась и поплыла к селу паутинкою по сжатому полю, и послышался вскоре погребальный звон, и перекрестились бедняки и встрепенулись богатые мужики.

- Мы, было, думали,- она навсегда кончилась, а вот она, как змея, из хворосту выскочила. Нельзя век лютовать и властвовать.

А убогие крестились и сами в гробы ложились.

- Устали,- говорят,- наши косточки - насилу дождались земли горсточки.

И обошла смерть все село за лесом и убрала все, что было нужно убрать,- а с другими вместе и Ерашку, и Живулечку, потому что было уже и безрукому, и безногой более чем по сту лет, а Маланья осталась жить и все живет, как прежде жила, и все то же делает, что и прежде делала, и все те умерли, кто звал ее "Маланьей-головой бараньей", и сама она это имя позабыла. И как смерть обойдет весь свет да придет к ней и спросит:

- Как тебя звать?

Она старается вспомнить и никак вспомнить не может и говорит:

- Не знаю - верно, мое имя переменялось. Смерть стала вопрошать; "как имя этой женщине?" А ей в ответ и упал с неба белый, как снег, чистый камень, как сердце обточенный, и на нем огнистым золотом горит имя: "Любовь".

Увидела это смерть и сказала:

- Ты не моя, - нет твоего имени в моем приказе: любовь не умирает: ты доживешь до тех пор, когда правда и милосердие встретятся, и волк ляжет с ягненком и не обидит его.